

"ЛЕКАРСТВО ОТ СМЕРТИ" доктора Кронина

16+

Полина Осипова

Полина Осипова
«Лекарство от смерти»
доктора Кронины

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=36621457
SelfPub; 2018*

Аннотация

Тысячелетиями великие умы ломают голову над тем, как продлить человеческую жизнь. И, наконец, гениальному врачу и изобретателю Кронуину удастся разработать аппарат, способный отодвинуть дату ухода из жизни на годы, а то и десятки лет. Он счастлив, люди воодушевлены – им подарили надежду! Но самое ли главное – добавить человеку дни, проведенные в этом мире? Или есть на свете что-то важнее и дороже?

Посвящается

Луканину Валерию Александровичу,

моему отцу – Юрию Кондратьевичу,

человеку, заменившему мне отца, – Юрию Леонидовичу

и всем безвременно покинувшим этот мир –

тем, чье присутствие дарило свет и радость

и чей неожиданный уход навсегда опустошил жизни близ-

ких людей.

Хорошие люди – живите долго и будьте здоровы!

Не успела Анна Федоровна, открыв дверь, снять руку со щеколды замка, как Сергей уже влетел в прихожую – будто вихрь, сметающий все на своем пути. Сейчас он выглядел смешно и немного нелепо – глаза матери с нежностью заметили это – редяющие, сероватого цвета волосы топорщились на его голове, давно не бритая щетина, уже готовящаяся стать бородой, неровными клочьями торчала в разные стороны на его подбородке, глубокие морщины, избороздившие лоб и оставшиеся на память о тяжелых часах напряженной работы мысли, почему-то расположились сейчас в веселом беспорядке, будто заранее выдавая тот разброд чувств, который творился сейчас глубоко под ними – за высоким лбом хозяина, худые впалые щеки словно распирало изнутри дыханием, учащенным от желания немедленно рассказать что-то жизненно важное – весь он сейчас был похож на взъерошенного воробья и одновременно – на обрадованно-

го и удивленного своей радостью ребенка. Но больше всего замершую от волнения и ожидания Анну Федоровну в сыне поразили глаза – их светлое выражение мальчишеского счастья, отчего вдруг у сорокапятилетнего мужчины они вдруг заголубели, заискрились, как тридцать лет назад.

– Мама! – Только смог выдохнуть Сергей. – Мамочка!.. – И, схватив испуганную женщину за плечи, не в силах высказать всех чувств, переполнявших его сейчас, он вперил ей в глаза свой сияющий юношеский взгляд.

– Что случилось, Сережа? – Недоуменно прошептала Анна Федоровна, втайне все же радуясь неожиданной перемене в сыне, которого последние несколько лет привыкла видеть мрачным, задумчивым, молчаливым, замкнувшимся в себе, сосредоточенным на чем-то, ей неведомом.

– Мама... – Сергей посмотрел в ее выцветшие серо-желтоватые глаза, и вдруг женщина заметила, как в густых зарослях щетины задрожали его губы, – мама, – справившись с волнением, твердо произнес Сергей, – мой аппарат испытали! Сегодня! В больнице... Случайно...

Он, увлеченный, парящий в высотах мечты о грядущем признании, не услышал, как мать тихо и недоуменно пробормотала:

– Какой аппарат, Сережа? Не понимаю, о чем ты...

Но Сергей не слышал – сейчас он даже не осознавал, что говорит с матерью, и ему было неважно, где он, кто он и зачем – ему важно было кричать о своей самой великой победе

в жизни, и он кричал о ней – в испуганные, но радующиеся за него глаза матери:

– Мое детище, которому я посвятил почти десять лет, над которым сидел ночами напролет, с которым привык разговаривать и советоваться... Я создавал его, как художник рождает свое творение – в муках, дрожащими, но верными руками, в страхе, что никто никогда не взглянет, не оценит. А создав, я стал бояться, что он не заработает, что эти десять лет своей жизни я угробил зря – коту под хвост. Ну, как можно было испытать его? Как все – на мышах, кроликах? Нет, не выйдет! Аппарат, предназначенный только для людей, можно испытать только на людях.

– И что? Ты использовал людей вместо кроликов? – С долей ужаса спросила мать, ожидая услышать самое худшее.

– Да, все произошло случайно и прошло успешно, даже более чем успешно! Ну, да ладно – что мы в дверях стоим. Пойдем, я тебе сейчас все расскажу.

– Ты кушать-то, как, – будешь? – С беспокойством за своего, в сущности, еще такого маленького сына спросила Анна Федоровна.

– Нет-нет, не сейчас. Пойдем же! – Сергей схватил мать за руку и стремительно потащил ее в свою комнату – тайную комнату Синей Бороды, запретную для каких-либо посетителей в течение последнего десятилетия.

– Ой, грязь-то какая! – Невольно ахнула старушка, едва Сергей с горделивым видом распахнул перед ней дверь,

обычно запертую на ключ.

Она помнила эту комнату другой: давно – с игрушками, часто самодельными, с книгами – на столе, на шкафу, на полу, потом с мотоциклом, который пятнадцатилетний Сережа притащил в квартиру – к ужасу матери – и чинил несколько месяцев в своей комнате, а потом привел ее вот так же, как сегодня, похвастаться – сделал! Она помнила вот эти же коричневые шторы, которые висели на окнах еще в те полузабытые дни ее молодости, тогда, когда с ныне уже давно покойным мужем и маленьким Сережкой они ютились в «коммуналке» – в одной небольшой, но чистой и светлой комнате, этот шкаф, старый промятый диван, – все было как когда-то давно, только теперь все это было покрыто густым слоем пыли, и оттого комната походила скорее на заброшенные покои средневекового замка, чем на жилище конца двадцатого века.

– Мама, – с упреком повернулся к ней сын, что ты: «грязь, грязь»! Смотри-ка! – Сергей Кронин аккуратно взял мать под локоть и повел ее, осторожно ступающую по давно не мытому полу, заваленному книгами, чертежами, инструментами, в угол комнаты, к окну, рядом с которым висела огромная полка, уставленная баночками, колбами, пустыми или полными разноцветных жидкостей.

Там же стоял широкий письменный стол, лежали кипы бумаг, каких-то чертежей, проектов. На краю стола беспорядочно валялись кнопки, обрывки резины, кусочки проводов,

неизвестные приборы со стрелками или горящими на экране цифрами.

Вот, смотри, – не замечая в глазах матери страха перед всеми этими конструкциями, столь неведомыми ей и в то же время так знакомыми ее сыну – плоти и крови ее, но, по сути, оказывается, совершенно неизвестному ей человеку, – Сергей одним жестом сгреб все лишние бумаги, освободив лист ватмана, на котором было изображено доселе не виданное миром устройство.

– Чудище какое-то – провода, провода – вроде паука что ли, – простодушно отметила Анна Федоровна, – и еще в зубах что-то держит!

Кронин расхохотался над деревенским простодушием старой матери.

– Это чудище называется «Лекарство от смерти» доктора Кронина. Так-то! Я его еще давно так назвал, тогда еще, когда его и в проекте-то не было! Сергей с долей гордости и любви похлопал ладонью по листу ватмана, будто лаская собственное единственно дорогое детище.

– От смерти? – усомнилась Анна Федоровна, и в ее глазах мелькнуло недоверие. – Ты что, Господь Бог что ли – людей от смерти спасать? Это тебе игрушки что ли – смерть-то? И сразу же, вспомнив разговор у дверей, быстро спросила:

– И что – помогает?

– Помогло, сегодня именно помогло! Заставило человека выжить. Понимаешь, я своими руками создал систему, кото-

рая может спасти человека от смерти.

– Что – навсегда? – еще более пораженная, переспросила мать.

– Да нет, ну, как ты не понимаешь, – с легкой долей раздражения пробормотал Кронин и, улыбнувшись вдруг, тепло добавил:

– Какая ты смешная. Ну, разве можно изобрести вечную жизнь на Земле?! Может, конечно, и можно, – добавил он с задумчивой полуулыбкой, – и когда-нибудь светила науки, наверняка, дойдут и до этого, – он оторвал от бумаг неизвестно отчего погрустневший взгляд и посмотрел на мать в упор, будто признаваясь в какой-то непростительной ошибке, – но это буду не я, и слава Богу. А я решил спасти человека от одной, первой из возможных, смерти, причем только если он умирает сам, без посторонних вмешательств. Вот, посмотри, – Кронин в одно мгновение вновь оживился и в запале начал широко размахивать руками, сильно жестикулировать, показывая на чертеже какую-то деталь, на первый взгляд, совершенно не отличающуюся от множества других:

– Вот это – датчики, их подключают к умирающему человеку, находящемуся в критическом состоянии, жизнь которого исчисляется минутами. Вот здесь – в этой колбе – жидкость. – Сергей показывал матери каждую деталь механизма, каждый отрезок на чертеже, не слыша ее тихого бормотания: «Колбы, датчики... одни черточки нарисованы. Попробуй, разгляди что-нибудь...», перемежаемого вздохами: «ничего

не понимаю...». – Через вот этот проводок, – в упоении продолжал Сергей, – через вот этот проводок, в конце которого спрятана игла, наподобие иглы шприца, только гибкая с твердым острием, в вену умирающего вводится доза раствора из колбы. Но это не главное – самое основное – энергия – без нее не будет работать аппарат, без нее не сможет продлиться ничья жизнь. И поэтому вон тот провод забирает ее снаружи от постороннего человека – достаточно только положить ладони в круглые отверстия и включить аппарат...

– Как это?! – замерла от ужаса внимательно слушающая и не смеющая перебить сына Анна Федоровна, – Как – из постороннего? Одного надо убить, чтобы другой жил?!

– Да нет, мам, никого убивать не надо. – Ласково усмехнулся Кронин, тронутый ее простодушием. – Для того, чтобы сохранить жизнь одного человека, нужно просто собрать энергию с десяти любящих его людей. Просто, когда человек любит, когда беспокоится за своего близкого, у него в организме происходят определенные процессы, что ведет к выбросу энергии, которая может уйти в пространство, в воздух, – я же хочу подчинить ее себе и использовать для благой цели, заставить работать. Поэтому – а это самое главное – ни за какие деньги нельзя будет купить жизнь, а выживать будут самые лучшие – те, кого сильнее любят, за кого боятся, кого не хотят потерять.

– А почему именно с десяти? – тихонько и отчего-то с некоторой грустью переспросила мать. – И как это – заби-

рать-то? А если ты заберешь, – в ее голосе зазвучали нотки обиды, – а те десять, которые отдали, возьмут, да и помрут из-за того толстого?!

– Почему – толстого? – смеясь, переспросил Кронин.

– Кажется мне так. – Отрезала мать. – Богатые, толстые, в телевизоре которые, – все их любят. А мы кому нужны, голодранцы? – старушка сокрушенно вздохнула.

– Ну, во-первых, – самодовольно посмеиваясь, заметил Кронин, – если все будет хорошо, я скоро сам буду толстым, богатым и в телевизоре, а во-вторых, никто от этого не умрет. Понимаешь, – вновь увлекаясь своей идеей, объяснял Сергей, – это как сдача крови донорами – я высчитал суммарное количество энергии, необходимое для восстановления жизнеспособности, и в то же время – тот максимум отдачи энергии, который был бы безвреден для каждого отдельного донора. Дело в том, что, если взять эту дозу с одного человека, пусть даже сильно любящего и готового на такую жертву, – это, я думаю, хотя мои предположения никто не проверял и никогда не проверит – какой ненормальный пойдет на такой риск, – принесет ему непоправимый вред, если не убьет, а умирающему все равно не поможет. Поэтому энергий нужно именно десять...

– Хорошо, что не пятьдесят...

– ... чтобы поддержать в другом человеке искру жизни. Эти десять любящих энергий достигнут колбы, отфильтруются, произойдет реакция и...

– А если человека никто не любит? – не слушая сына и думая уже о чем-то своем, волнуящем, говорила Анна Федоровна.

– Ну, кто-то же должен умирать. Это – как естественный отбор, только уже на научном уровне, на ступень выше. Там – в природе – выживает сильнейший, здесь – можно так сказать, – любимейший, а поэтому лучший.

– За счет других... Ничего себе лучший! И ты тоже хорош – такую машину придумал, чтобы кто-то мог жить вечно, а кого-то – в землю, в белых тапочках!..

– Мама, ты как ребенок, ну что такое «вечно»?! Ну, десять, двадцать лет прибавится, а может, и пять, и год – на сколько энергии хватит – все сугубо индивидуально – все от организма пациента зависит. А этим десяти выброс энергии никак не повредит – это, как кровопускание, – даже для здоровья полезно, правда, если не злоупотреблять. Главное, чтобы любовь была.

– Где ж ее взять-то, столько любви?! – женщина вздохнула и, не отрывая глаз от таинственного чертежа, задумалась.

– Ну, взяли же сегодня! Привезли человека – плохо стало на свадьбе внука.

– Старик что ли?

– Да нет – шестьдесят четыре. Состояние плохое. Осмотрели – инфаркт, причем уже второй. Перевеселился. А приехал, как был на свадьбе – со всей родней – жена, дети, внук с молодой женой. Все нервничают, беспокоятся. Мы видим

– плохо дело – не вылезет. А у меня аппарат в лаборатории стоял в клинике – я его месяц, как закончил, но все боялись его испробовать, да и как-то не складывалось испытать. А сейчас главврач видит – выхода другого нет, ну и предложили, в общем...

– Что? – подняла на него глаза мать.

– Рискнуть. Родным не из чего было выбирать – худший исход был один, время шло, а альтернативу могли предложить только мы и только такую – все остальное уже бесполезно было. Ну, они расписку сразу написали – что берут всю ответственность на себя, и – в очередь к аппарату. И, ты представляешь, мам, ожил, оклемался, в себя пришел, только вот не знаю – надолго ли. Теперь операцию будут делать – сам Сан Саныч, главврач, возьмется за него. Но главное – итог! Понимаешь – ни сердечно-легочная реанимация, ни электрошок – ничего не помогало. Человек был на грани, почти за гранью. А тут – сразу очнулся – даже цвет лица нормальный стал! – с воодушевлением рассказывал Кронин.

– Хорошо, что людям помогаешь, сынок. – Вздохнула мать, глядя на Сергея отчего-то горьким и сочувственным взглядом.

– Да, я же и сам себе помог. Если этот опыт удался, если подтвердится полная действенность аппарата, то я и себе, и тебе, мам, помог.

– Да, мне уж не надо, – чуть улыбнувшись, снова вздохнула старушка, – Я уж свой век доживаю, и сколько на роду

написано, столько и хочу жить.

– А мы тебе еще лет двадцать припишем, – весело выкрикнул Сергей, – и еще поживешь!

– Да, не надо уж... – Анна Федоровна махнула рукой и, медленно ступая, пошла к двери, – Ты лучше о себе позаботься. – В дверях она остановилась, обернулась – в неярких лучах солнца, местами пробивавшихся в прорехи старых занавесок и упавших сейчас на лицо матери, оно показалось Сергею строгим, но светлым и даже как-то иконописно красивым, – Женился б ты лучше, сынок, о себе подумал, да и мать-старуху внуками порадовал, а то «колбы, проводки». Для кого все это? Женился бы, пока не поздно... – и, уходя, быстро переменив тему, будто и не произносила ранее сказанного, она привычно позвала:

– Приходи на кухню, Сережа, я тебе борща погрею.

Доктор Чистяков медленно зашел в свой кабинет, включил свет, устало опустил на кресло у стола, положил на столешницу скрещенные руки и склонил на них изможденную от проблем и забот голову с пробивающимися на висках, почти еще не видными в густой поросли темно-русых волос седыми прядками.

– У-хо-жу! – произнес он медленно и отчетливо, будто приказывая самому себе, фразу, являющуюся уже несколько лет итогом каждого его рабочего дня в кардиологическом отделении больницы, – У-воль-ня-юсь! Надоело. Сколько мож-

но!

Он резко встал, одним движением открыл окно – прохладный воздух стремительным потоком ворвался в комнату. Он закурил, прислоняясь спиной к шкафу и серьезно и вдумчиво глядя на небольшой мрачноватый пейзаж, висящий на противоположной стене. На этой картине глаза его отдыхали, бурлящие нестройным потоком мысли успокаивались, приобретали более четкие формы, очертания. Воспоминания прошедшего дня, будто на экране телевизора, виделись им в рамке на стене, где-то позади сгустившихся на картине сумерек послегрозового вечера, глаза смотрели сквозь темные острова деревьев и видели не красоту природы, а серые стены больницы, пациентов, умирающих. А так хотелось прийти домой с легким и пустым сердцем, без этой гнетущей тяжести на душе. За годы, проведенные в кардиологии, Чистяков так и не смог смириться с болезнью, привыкнуть к смерти, не научился воспринимать людей как безликую массу, как непрерывный поток проходящих и уходящих – в тот или иной мир. Боль, безграничная тоска, чувство неоправимой несправедливости жизни притуплялись, отходили на второй план, но при каждом удобном случае появлялись вновь, вылезали из душевных глубин наружу. Коллеги ласково, дружески хлопали его по плечу и посмеивались или сочувственно говорили:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.